

MATERIES

творческой свободы

Талантливый литератор Аркадий Застырец презентовал рефтинцам свои сочинения. Он читал стихи, отрывки из пьес, переводов с французского, поясняя, почему переводит и как это делает согласно своей теории перевода.

Собственно, еще до встречи с Аркадием Валерьевичем посетители читального зала библиотеки были наслышаны о его самобытном даре творца, владеющего многими жанрами, видами литературного сочинительства, осведомлены были и насчет счастливой постановочной судьбы пьес автора, известности его в качестве либреттиста, рок-поэта. Любой житель поселка может зайти в центральную библиотеку и познакомиться с поэзией А. Застырца и другими творениями писателя; полистать книгу MATERIES.

Наверное, книга «Материи» с ее поэтикой, условно говоря, «абракадабры», вызовет массу споров у читателей-ортодоксов, постоянно задающихся вопросом: «что хотел сказать автор?». Между тем в сборнике Застырца, выпускника философского факультета УрГУ, состоящем из ста одиннадцати кратких текстов, можно «нарыть» массу «золота», словно в «Опытах» Монтеня, мудреца эпохи Ренессанса. Расположенные в алфавитном порядке микросочинения «Абракадабра», «Алебастровые шарики», «Александрит», «Алюминий», «Асфальт» и т. д., заканчиваясь главкой «Яхонт», тоже повествуют о жизни, которая сама по себе

не благо и не зло (хотя вместе с тем и благо, и зло), о смерти, о ненадежности наших суждений, суетности слов, непостоянстве поступков, о вещах и веществе («Пепел», «Графит»). Читать можно с любой страницы, с середины, с конца — по законам модернизма, когда форма равна содержанию в похвальном смысле, когда именно в форме заключается эстетическое и духовное содержание творения, не в сюжете.

Сужу об экзерсисах екатеринбуржца как рядовой потребитель литературы сегодняшнего времени. В самом деле, хоть и обожает Застырец порой рассмешить читателя бессмысленной речью, но ни сентиментальность его, как сам признается, ни серьезность не дремлют. Книга-то о каждом из нас, по словам коллеги Вадима Дулепова, «она не только детально отражает внешний и внутренний мир автора, но и провоцирует читателя на внезапные интимные и дорогие сердцу каждого воспоминания — о детстве, о минувших радостях и горестях, о мелочах, из которых постепенно складывается основная величина нашей жизни...». Безусловно, все двести сорок страниц издания не что иное как биография современника, в частности, Аркадия Застырца, а не вымышленного литературного героя, рассказанная оригинально. Любопытно, что силой своего воображения рассказчик рисует картину своего зачатия. В главе «Ветер 1959 года» он пишет: «Я словно воз-

вращаюсь к тому мгновению и к той точке, где мать — материя в мамином чреве завязывается в микроскопический краеугольный узелок моего собственного тела...». Волшебство обретения земного пристанища особенно дорого душе повествователя... Согласно мысли Мережковского Лермонтов помнил свое прежде земного существование и тосковал по нему, маялся тут, а Застырец от себя добавляет: «Может, и я — приземлившийся ангел». Судьбу «приземлившегося ангела» повествователь излагает весьма подробно: детство, отрочество, школа, армия, университет, интим, любовь, семья, работа школьным учителем истории, творческая реализация, нынешний день, круг друзей. Ерничество в смысле подшучивания здесь вполне уместно — он обожает тех людей, о которых идет речь в зарисовке «Штукатурка». Это Слава Курицын — «самый умный человек нашего времени», сам Застырец — «самый честный писатель конца двадцатого — начала двадцать первого века» (иронизирует он и над собой), Юрий Казарин — «самый мужественный из наиболее пронзительных лириков нашей эпохи» и далее на полстраницы перечень самых-самых интересных людей, работающих на культуру Урала...

«Жизнь в основе своей — совершенный кристалл, боль — кристалл, любовь и, может быть, смерть...» — такими словами о веществе заканчивается книга MATERIES. Не думаю, что она далась автору легко. Но внешне все по-чеховски просто, изящно: «Вот пепельница — завтра будет рассказ»...